

Латинская официальная закладная плита со Спасской башни Московского Кремля

Д.В. Вальков

Эпиграфические памятники, находящиеся на стыке культур, традиционно вызывают особый интерес у исследователей. К числу таких памятников принадлежит официальная закладная плита со Спасской башни Московского Кремля, датированная 1491 г.¹ (рис. 1) Место этого памятника в истории архитектуры Москвы уникально. Ее текст от имени великого князя московского Ивана III (1462–1505) исполнен на латинском языке, свидетельствует о закладке миланским архитектором Пьетро Антонио Солари в том числе и башни, сооружение которой стало одним из ключевых звеньев строительства всей восточной линии укреплений Московского Кремля². Эта башня первоначально именовалась Фроловской, поскольку недалеко от нее, с внутренней стороны Кремля, располагалась церковь Фрола и Лавра. Указом от 16 апреля 1658 г. царь Алексей Михайлович приказал именовать эту башню Спасской.

Латинская официальная закладная плита, датированная 1491 годом, находилась на Спасской башне до конца 40-х годов XX века, когда были, видимо, предприняты попытки сколоть латинский текст (на памятнике имеются многочисленные выбоины, нанесшие значительный урон тексту). Позднее текст был заштукатурен, а памятник демонтирован. Заслуга его обнаружения в подzemелье Архангельского собора Московского Кремля принадлежит А.В. Гращенкову и Д.А. Дрбоглаву. Сейчас латинская официальная закладная плита находится в подклете Ризположенской церкви Московского Кремля в составе лапидарной коллекции.

Основной целью данного эссе является анализ графических особенностей букв, имеющих в тексте латинского эпиграфического

© Д.В. Вальков

памятника 1491 г. со Спасской башни Московского Кремля, а, кроме того, краткий анализ структуры ее формуляра.

* * *

Рассматриваемый эпиграфический памятник относится к XV в. — времени значительнейших изменений в эпиграфической практике большинства северо-итальянских городов. Период Кватроченто в эпиграфической практике городов Лигурии, Ломбардии, Тосканы, Венето, Лация отмечен появлением и последующим развитием гуманистической стилистики письма. Основным вектором этого развития становится совершенствование и унификация капитальных графических форм букв, постепенное удаление из репертуара используемых графических

¹ Традиция комментария и анализа текста указанного эпиграфического памятника восходит к концу XVII в., когда Николаем Спафарием был предпринят первый перевод латинского текста на русский язык. В дальнейшем, латинская официальная закладная плита со Спасской башни Московского Кремля стала объектом внимания многих путешественников, эрудитов, антикваров, ученых. См., например: *Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. London, 1785. Vol. I. P. 236; Lyall R. The character of the Russians and a detailed history of Moscow. London, 1823. P. 605; Снегирев И. Памятники московской древности. М., 1842—1845. С. 328; Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 139; Хрестович-Бутнев К.А. Латинская надпись на Спасских воротах и их творец Петр-Антоний Солари // Сборник статей в честь гр. П.С. Уваровой. — М., 1916. С. 217—219; Белоброва О.А. Эпиграфическое известие о работе итальянских мастеров в Московском Кремле // Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля 500 лет. М., 1979. С. 29; Дрбоглав Д.А. Камни рассказывают... Эпиграфические латинские памятники. XV — первая половина XVII в. (Москва, Серпухов, Астрахань). М., 1988. С. 12—16.*

² Об этапах формирования Московского Кремля как целостного архитектурного и фортификационного ансамбля, а также о каменном строительстве на его территории см.: Федоров В.И. К вопросу об архитектурно-археологическом исследовании Московского Кремля // Средневековая Русь. М., 1976. С. 60—66; он же. Новое о древней топографии и первых каменных постройках Московского Кремля // Материалы и исследования Музеев Московского Кремля. Выпуск 1. — М., 1973. С. 41—51; Кучкин В.А. К истории каменного строительства в Московском Кремле в XV в. // там же, с. 293—297. См. также: Федоров В.И., Шеляпина Н.С. Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля // СА. 1972. № 4. С. 223—234; Федоров В.И. Благовещенский собор Московского Кремля в свете исследований 1960—1972 гг. // СА. 1974. № 4. С. 112—131.

ческих форм букв, форм искусственно созданных или искусственно капитализированных, наконец, постепенное обращение к римскому античному капитальному квадратному письму как к графическому эталону.³ На фоне этих принципиальных изменений, осуществлявшихся в эпиграфической практике городов Северной и Центральной Италии в период Кватроченто, графические черты букв эпиграфического памятника со Спасской башни Московского Кремля имеют значительное своеобразие, в том числе и в хронологическом отношении. Его буквы исполнены стилем письма *eta comunale*, сложившимся в локальных эпиграфических традициях городских центров Нарбонны, Прованса, а также в эпиграфической практике Пизы, Рима, Генуи и Милана в период между концом X в. и серединой XII в., впоследствии вытесненным из регулярного употребления готическими маюскульными разновидностями письма⁴. Таким образом, появление этого весьма специфичного, с графической точки зрения, стиля письма в Москве, в последние годы XV в., спустя более чем три века после выхода этого стиля из регулярного использования собственно в эпиграфической практике городов Северной и Центральной Италии и на столь значительном географическом удалении от них, весьма необычно. Скорее мы могли бы ожидать использования одной из многочисленных разновидностей готического маюскульного письма, или даже гуманистической стилистики письма. Эта необычность акцентируется также и самим материалом, локального происхождения, из которого

³ *Mardersteig G.* Leon Battista Alberti e la rinascita del carattere lapidario romano nel Quattrocento // *Italia medievale e umanistica*, II, 1959. P. 285–307; *Varaldo C.* L'epigrafia medievale in Liguria tra XII e XV secolo // *Epigraphik* 1988. Fachtagung für mittelalterlichen und neuzeitlichen Epigraphik. Graz. 10–14. 05. 1988. Referate und Round-Table-Gesprache (redigiert und herausgegeben von W. Koch) / Osterreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophische-Historische Klasse. Denkschriften Bd. 213. Wien, 1990. S. 237–245. Fig. 1–20 (S. 243, passim).

⁴ *Corpus des inscriptions de la France médiévale*. Vol. VIII (Ariege, Haute-Garonne, Hautes-Pyrénées, Tarn-et-Garonne) / sous la direction de R. Favreau, J. Michaud, B. Lepland. Paris, 1982. № 111 (a. 1063), 199 (a. 1100); . *Epigraphica pisana. Testi latini sulla spedizione contro le Baleari del 1113–1115 e su altre imprese antisaracene del sec. XI* // *Miscellanea di studi ispanici* / Istituto di Letteratura spagnola e ispano-americana. Pisa, 1963. Vol. VI. P. 234–286. Photo I–V; *Silvagni A.* Monumenta epigraphica christiana saeculo XIII antiquiora quae in Italiae finibus adhuc exstant. Citta del Vaticano, 1938–1943. Vol. I–IV. Vol. I. Pars I. Pl. IV. № 2.

изготовлен рассматриваемый эпитафический памятник, – что свидетельствует, – он не был заготовлен еще в Милане, заранее, а мастер осознанно и последовательно, *in situ* ориентировался на графические особенности стиля письма *eta comunale*.

Являясь, в контексте эпитафической практики городских центров Северной и отчасти Центральной Италии, неотъемлемой частью двух более общих явлений, – *romanitas*, с характерной антикизирующей монументализацией графики букв, и *renovatio classica*⁵, – упомянутый стиль письма *eta comunale* вобрал в себя графические элементы маюскульного актуарного (рустического) письма, позднеантичного римского капитального письма, связанного со *scriptura damasiana*, унциала. Так, рассматриваемому эпитафическому памятнику свойственны следующие графические черты букв, присущие стилю письма *eta comunale*: 1) лигатуры – AE, AN, ANT, AR – VOLoDIMERIAE, MOSCoVIAE, PLESCoVIAE, VETICIAE, BVOLGARIAE, RAXIAE, AN(n)o, MEDioLANENSIS, ANToNIVS, SoLARIVS; 2) наличие т.н. «вписанных» букв, а также букв меньшего размера, занимающих медиальное, но не «вписанное» положение в строке – VOLoDIMERIAE, MOSCoVIAE, PLESCoVIAE, Co(n)DER(E), ANToNIVS, SoLARIVS, MEDioLANENSIS, AN(n)o; 3) отсутствие графического разграничения U–V; 4) сочетание в контексте одного эпитафического памятника, исполненного стилем письма *eta comunale*, графических форм букв, присущих различным, как правило, более ранним, стилям письма: одновременное наличие в нашем памятнике актуарных и более близких к капитальным форм буквы A (в том числе соответственно в словах IOANNES, ONGARIE), наличие капитальной и унциальной форм буквы E (в том числе соответственно в словах IMPERII, TVRRES), повсеместное использование близкой к унциальной формы буквы G. В целом, с графической точки зрения, мы имеем дело с типичным стилем письма *eta comunale*, с традиционным стремлением к

⁵ *Scalia G.* «Romanitas» pisana tra XI e XII secolo // *Studi medievali*. 3a serie. Vol. XIII. № 2. Spoleto, 1972. P. 791–843; *Racine P.* Naissance de la place civique en Italie // *Fortifications, portes de villes, places publiques dans le monde méditerranéen* / ed. J. Heers. Paris, 1993. P. 301–322; *Вальков Д. В.* Северо-итальянские городские коммуны *sub specie romanitatis* в XI–XV веках (на примере эпитафических памятников Пизы, Генуи, Болоньи, Модены, Милана) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института*. Вып. 2. М., 2004. С. 78–118.

монументализации графики букв, стилем, зафиксированным, к примеру, пизанскими официальными закладными плитами, датированными XI – первой четвертью XII в.⁶ Встречающиеся в тексте сокращения – для выпавших назальных, для постпозитной Q(ue), для падежной флексии gen. plur. – также являются традиционными. Однако, как показывает северо-итальянская эпиграфическая практика, для памятников, исполненных стилем письма *eta comunale*, совершенно несвойственна индикация числительных арабскими цифрами, как это есть в тексте нашего эпиграфического памятника. Как нам кажется, в этом необходимо усматривать отчетливое влияние гуманистической стилистики письма, нередко использовавшей на рубеже XV–XVI вв. способ индикации числительных арабскими цифрами.

Структура формуляра рассматриваемого эпиграфического памятника, не лишенная в частности отдельных своеобразных черт, в целом обычна. Текст, при отсутствии раздела *invocatio*, начинается сразу с развернутого *dispositio*, включающего следующие подразделы: *titulatio* {IOANNES VASILI DEI GRATIA MAGNVS DVX VOLODIMERIAE MOSCOVIAE NOVOGARDIEI TIFERIE PLESCOVIAE VETICIAE ONGARIE PERMIE BVOLGARIAE ET ALIA(rum) TOTIVSQ(ue) RAXIAE D(omi)NVS}, *datatio* с некоторыми элементами *notificatio* {HAS TVRRES CO(n)DE[RE] F(ecit) ET STATVIT}, дополнительные обстоятельства {AN(n)O 30 IMPERII SVI... PETRVS ANTONIVS SOLARIVS MEDIOLANENSIS I(m)P(osuit)}; далее следует дата AN(n)O NA(tivitatis) D(omi)NI 1491 K(alendis) M(artiis). Таким образом, к частным специфическим чертам формуляра рассматриваемого эпиграфического памятника (подчеркнем, в сопоставлении с собственно северо-итальянским эпиграфическим материалом) относится отсутствие в его составе раздела *invocatio*.

* * *

Несомненно, рассматриваемый эпиграфический памятник ставит перед исследователями и ряд гораздо более сложных вопросов, нуждающихся в специальном рассмотрении. Постановка такого рода вопросов, как нам кажется, была бы здесь необходима. К их числу относится проблема анализа языка исследуемого эпиграфического памятника, фоне-

⁶ *Scalia G.* «Romanitas» pisana.

тических особенностей некоторых слов, в частности топонима TIFERIA, что позволит приблизиться к разрешению вопроса о характере имеющейся в латинском тексте гетероглоссии; о том, был ли автор текста рассматриваемого эпиграфического памятника итальянского или русского происхождения. Особой исторической оценки заслуживает и самый факт создания и установки на башне строящегося Московского Кремля торжественной официальной закладной плиты на латинском языке от имени великого князя московского, что, несомненно, должно обратить исследователя, во-первых, к проблеме взаимоотношения московского двора и римской курии в последней трети XV столетия, во-вторых, к проблеме трансформации византийской политической идеи и анализу ее реплик в политической мысли в Московском государстве первой трети XVI в., в-третьих, к анализу московской дипломатии времени правления Ивана III, в частности и контактов с генуэзскими и венецианскими факториями бассейна Черного моря.⁷

Summary

D. V. Valkov

Latin Official Embedded Plate of the Moscow Kremlin's Spasskaya Tower

This essay is dedicated to the unique monument in the history of Moscow architecture – the official embedded plate of the Spasskaya Tower of Moscow Kremlin, dated back to 1491. The Latin text on behalf of the Great Duke of Moscow Ivan III contains some data on the foundation of the tower by Milano architect Pjetto Antonio Solari in the place of Frolov's arrow slit. In 1658 the tower gets the new name: «Spasskaya Tower». Despite the fact that many scholars including D.A. Drboglav (he was the first to make the first exact interpretation of the Latin text) paid attention to this monument in their studies, it remains of great interest to the researchers. The essay features graphical peculiarities of the writing, relating to the above-named monument, structure of the card as well as the chronical and geographical features of the writing style *eta comunale*.

⁷ *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV веке. Л., 1971; *Zevakin E.S., Pencko N.A.* Ricerche sulla storia delle colonie genovesi nel Caucaso occidentale nei secoli XIII–XV // *Miscellanea di studi storici*. I. Genova, 1969. P. 7–98 (к сожалению, текст этой статьи на русском языке нам не был доступен).